

СОВРЕМЕННАЯ ИРЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ: ШЕЙМУС ХИНИ И ДЕСМОНД ИГАН

© 2004 А.Л. Савченко

Воронежский государственный университет

Шеймус Хини (р.1939), по мнению англоязычных и отечественных критиков, является одной из самых заметных фигур в современной ирландской поэзии. Удостоенный Нобелевской премии в 1995 году, он — автор многих стихотворных сборников, литературоведческих эссе и переводов.

Десмонд Иган (р.1936) — талантливый поэт, автор 20 стихотворных сборников, человек высокоодаренный, глубоко чувствующий и понимающий живопись, музыку и разные виды фольклорного искусства.

Обладатель нескольких престижных литературных премий, он пользуется популярностью не только у себя на родине в Ирландии, но и в США, Франции, Германии, Италии, Чехии и в других странах. Его стихи переведены на французский, итальянский, испанский, греческий и многие другие языки мира.

К сожалению, его творчество недостаточно хорошо известно в России, хотя несколько его стихов были опубликованы в журнале “Иностранная литература” (1999, № 3), а в Воронеже сначала в 1999 г. вышло в свет его “Избранное” [2], а затем — в 2000 г. — несколько доработанное переиздание этого сборника, и это позволило русскому читателю более детально познакомиться со стихотворными произведениями Д. Игана, различными по проблематике, жанру и поэтической структуре [3].

Само собой напрашивается сравнение между Ш. Хини и Д. Иганом — современниками и почти сверстниками, поэтами, творчество которых известно не только в Ирландии, но и далеко за ее пределами.

В биографии и литературной карьере Игана можно обнаружить немало сходных черт с жизнью и поэзией Хини, однако всегда следует иметь в виду самобытность каждого из них.

Оба поэта появились на свет в небольших городках: Хини — в семье фермера, в Северной Ирландии; Иган — в городе Атлон Республики Ирландия. И место рождения, и несколько патриархальный быт, детство и юность, естественно,

наложили отпечаток на мировоззрение и дальнейшую жизнь Хини и Игана. Они оба получили высшее образование: Хини учился в Королевском университете Белфаста, Иган — сначала в Майнотском университете, затем в Дублинском. Они оба работали учителями в колледжах, позднее — преподавали в высших учебных заведениях. Оба в юности пробовали писать стихи, но печататься стали поздно: первая книга стихов Хини “Смерть натуралиста” вышла в свет в 1967 году; Иган опубликовал свой первый поэтический сборник “Midland” на 6 лет позже, в возрасте 36 лет в 1972 году.

Оба являются переводчиками: Хини перевел с древнеирландского “Безумного Суини” (1983) — известную старинную легенду о вечном скитальце, короле язычников, превратившемся в полуптицу-получеловека. Магистральным мотивом этого произведения является мотив изгнанничества, столь близкий ирландцам, особенно северным. В 2000 году Хини опубликовал свой перевод “Беовульфа” — англосаксонской поэмы VII–X веков, имевший, вопреки ожиданиям поэта, колоссальный успех и попавший в список бестселлеров Англии и США за этот год. Кроме этого, Хини на разных этапах своей творческой карьеры делал переводы из Данте. Игану тоже оказался близок Данте, хотя он и не переводил его, но часто цитировал 24 сонет из “Новой жизни” в своих произведениях.

Иган выпустил на английском языке в своем переводе “Медю” Еврипида (1991) и “Филоклета” Софокла (1998).

Хини много ездит по странам мира для презентации своих книг. Бывал он и в России; последний раз он приезжал в Санкт-Петербург в 2003 году для участия в Неделе ирландской культуры в России и презентации сборника стихов, вышедших в свет в издательстве “Рудомино”.

Иган дважды побывал в нашей стране в 1980 г., и оба раза в Санкт-Петербурге. Журнал “Нева” опубликовал интервью с ним в 1989 году в № 9.

Оба поэта обладают способностями лекторов: Хини и по сей день является профессором риторики и ораторского мастерства в Гарвардском университете, а Иган уже более двух десятилетий совершает поездки по США, читая лекции по ирландской и мировой литературе в университетах и проводя мастер-классы с начинающими поэтами. Разница между Иганом и Хини в этом плане заключается в том, что Иган много лет назад оставил преподавательскую деятельность и официально не числится в штате какого-либо вуза, а Хини ежегодно в течение четырех месяцев преподает в Гарварде, ибо быть “свободным художником” и содержать семью только на гонорары от своих книг он не решается, оставляя для творчества восемь месяцев в году.

И Хини, и Иган были редакторами антологии поэзии для детей: Хини издал сборник “The Rattle bag”; у Игана тоже есть отредактированный им сборник стихотворений, предназначенный для детского чтения. Кроме этого Иган опубликовал сборник “Poet’s Choice”, который составлял и редактировал.

И в названиях сборников стихов этих поэтов есть своеобразная переключка: у Игана “Seeing Double” (1983), у Хини “Seeing Things” (1991); у Игана поэтический сборник “Peninsula” (“Полуостров”), у Хини — программное стихотворение с аналогичным заголовком.

Обоим поэтам преподавательские навыки помогали и помогают глубже оценивать произведения других поэтов. Иган, например, высокопрофессионально проводит анализ стихов молодых поэтов, а также активно участвует в работе мастерской перевода Летней школы по изучению творчества Дж. М. Хопкинса у себя на родине, художественным директором которой и является.

Думается, что все указанные выше черты общности имеют скорее формальный, нежели сущностный характер, но и они немаловажны для лучшего проникновения в творчество обоих поэтов.

При сходстве фактов биографии, общности тематики, иногда даже одинаковости названий стихотворений каждый поэт — яркая творческая индивидуальность, и это проявляется и в поэтическом языке, и в интерпретации событий ирландской истории, и в образной системе, и в манере письма: рифмованные стихи у Хини и отказ от рифмы и традиционного ритма — у Игана.

Творческое своеобразие Хини и Игана отчетливо выявляется в их литературно-критической деятельности, которая нередко привлекает к себе их внимание. Прежде всего, бросается в глаза объект исследования: это У. Б. Йетс, поэтическое наследие и мироощущение которого Хини рассматривает в книге “Место творчества” (1989), а Иган, не посвящая Йетсу специальной работы, затраги-

вает интересующие его проблемы, связанные с творчеством Йетса, в своих интервью ирландским и американским газетам (1980 г.).

Оба поэта отдают дань уважения Т. С. Элиоту: Хини в книге “Власть языка” (1988), посвященной памяти великого англо-американского художника слова, Иган — в статьях “Т. С. Элиот и Э. Дикинсон” и “Поэзия и бездна”, опубликованных в 1990 г. в “Смерти метафоры”.

Как истинные ирландцы, они воздают должное П. Каванаху, которого почитают как народного поэта. По-видимому, он оказал на них определенное влияние, и они относятся к нему с пиететом, как ученики к учителю.

Стоит заметить, что, рассуждая о Каванахе и Йетсе, Хини акцентирует присущее этим поэтам “чувство места”, действительно сыгравшее в их творчестве немалую роль. Графство Монахан, где родился Каванах, и графство Слайго для Йетса, где он провел детство, пробудили, а затем стимулировали, по убеждению Хини, их творческое воображение, способствовали формированию у них национального самосознания, заставили задуматься о связи эпох.

Напомним, что “чувство места” всегда затрагивало ирландских литераторов, начиная с древних времен, когда “существовал особый жанр, как в поэзии, так и в прозе, для раскрытия происхождения и смысла географических названий” [4, 96].

“Чувство места” естественно связывается с особенностями ландшафта местности, в которой поэт родился и живет, а ландшафт, в свою очередь, в его воображении ассоциируется с событиями и делами, хранящимися в народной памяти.

Хини полагает (и с ним нельзя не согласиться), что превращение географического места из факта биографии в литературный факт очень важно, т. к. дает поэту возможность лучше самореализоваться и более адекватно воспроизводить атмосферу, знакомую ему с юных лет, в которой он жил или живет.

У Игана мы не найдем подобных рассуждений, но исследователи его творчества, например, Б. Аркинс [5, 27], указывали на то, что подобно тому, как существует Дублин, созданный Джойсом на страницах “Улисса”, Слайго, теснейшими узами связанный с Йетсом, Йокнапатофа, вымышленный Фолкнером округ, место действия большинства его романов, так и Иган ассоциируется со Средней частью Ирландии (Midland), в которой он родился и которую воспел в сборнике стихов с аналогичным названием, а также в “Атлоне?” (Athlone?) и множестве стихотворений, вошедших в другие его книги.

Образ “малой родины” поэта складывается из разных компонентов: это и зарисовки неяркой, но такой близкой Игану природы Ирландии, это и

реки, и созданные руками человека каналы, и небольшие города, жители которых не только узнают друг друга в лицо, но и живут в несколько патриархальной атмосфере и придерживаются стиля жизни, уже уходящего в прошлое (Athlone?).

И у Хини пейзаж, например, Северной Ирландии, выписан так, что читатель легко может его визуализировать, но стихи такого плана зачастую омрачены раздумьями о войне, которая ведется в Ольстере и рождает трагические чувства, от которых невозможно избавиться.

Его волнует противостояние католиков и протестантов, основанное, как он считает, на старых предрассудках. Так, в стихотворении “Сумерки в Ольстере” (“An Ulster Twilight”) Хини избирает местом действия Ольстер, а действующими лицами – ирландского мальчика, по-видимому, католика, от имени которого ведется рассказ о событиях его детства, и Эрика, молодого протестанта, захватившего к мальчику (а это, с большой долей вероятности, сам поэт в детстве) в канун Рождества. Здесь просматривается аллюзия на эпизод из Евангелия, когда в Сочельник Мария и Иосиф оказались в Вифлееме и были вынуждены за неимением мест в гостинице провести ночь в хлеву, где и появился на свет Иисус Христос. В стихотворении Хини Эрик, как и Иосиф, оказывается плотником и привозит мальчику игрушку, сделанную им самим из дерева, как скромный рождественский подарок. Два временных плана “Сумерек в Ольстере” (детство поэта, когда католики и протестанты еще жили мирно) и период борьбы между этими религиозными группами, когда малейшая неосторожность может привести к конфликту, и два разных топоса (пространство сарая, в который приезжает Эрик, и пространство квартиры, где живет мальчик) подчеркивают изменения, происшедшие в Северной Ирландии за период религиозного конфликта, а “чувство места”, о котором писал Хини в отношении других ирландских поэтов, приобретает в его стихотворении трагический оттенок.

Лирический герой представляет себе, что если бы он встретился с Эриком в “ольстерских сумерках” еще раз, когда отношения между католиками и протестантами усложнились, то рождественские воспоминания, связанные с подарком Эрика, осмысливались бы иначе. “Стук в дверь”, “сверток в руках” могли бы “означать либо появление представителя “дружественной” военизированной организации с просьбой спрятать что-то, либо боевика “враждебной” группировки, приход которого может закончиться смертью кого-либо из членов семьи” [1, 125].

В финале “Сумерек в Ольстере” мальчик высказывает мысль о том, что при встрече с Эриком (если бы она состоялась), они вели бы разговор об

игрушках и ремесле плотника, т. к. эти темы гораздо более значительные, чем вражда и оружие в руках католиков и протестантов. Так Хини утверждает ценности, важные для обычных людей в повседневной жизни, делая попытку не акцентировать религиозную рознь.

Напомним, что Хини, уроженец Северной Ирландии, католик по религиозным убеждениям, стал членом движения за гражданские права, целью которого было достижение примирения католиков и протестантов. Однако, как известно, проблема Ольстера до сих пор не решена. Хини, изменив место жительства (он с семьей живет недалеко от Дублина), не может забыть о своих согражданах, страдающих от религиозного конфликта. Он пытается выявить истоки этого противостояния. Они видятся ему в трагическом прошлом страны, на протяжении многих веков терпящей унижение, время от времени восстающей против англичан. Так, в стихотворении “Реквием остриженных” поэт вспоминает восстание 1798 г., когда отряд крестьян, в котором были и католические священники, держал под своим контролем целое графство в течение 2-х недель. Некоторые эпизоды восстания имеют фактологическую основу, что представляется естественным, ибо в процессе работы над стихотворением Хини изучал “Общую историю восстания 1798 года” П. О’Келли, изданную в 1848 г.

Стихотворение, написанное от 1-го лица, в котором лирический герой говорит от имени сотен погибших во время восстания, свидетельствует о страданиях этих людей даже после гибели, т. к. их похоронили без савана, не положив в гроб. Но, несмотря ни на что, на братской могиле вырос ячмень – знак, символизирующий не только вечный круговорот природы, но и растение, зерна которого дают хлеб насущный и из которого, что немаловажно для ирландцев, изготавливают пиво.

Иган, не претендуя на обобщение, также, как и Хини, вспоминает крестьянское восстание 1798 г. В стихотворении “На могиле Хопкинса, 8 июня 1989 г.” перед мысленным взором поэта предстает эпизод посещения Хопкинсом г. Монастеревин. Он мысленно видит мисс Кэссиди, спускающуюся с крыльца своего дома, чтобы встретить английского поэта “у того самого вяза” [Цит. по: 6, 21], где отец Прендергаст, участник восстания, был повешен по несправедливому приговору в 1798 г. Иган здесь не отступает от исторической правды: этого повстанца пытали, а затем повесили около того дома, владельцами которого позднее стали сестры Кэссиди – гостеприимные хозяйки, друзья Хопкинса, нашедшего в их доме сочувствие и приют. Как справедливо замечает М. Сандермейер, исследователь творчества Игана: “Кажется, что именно этот бук был сердцем сельской

Ирландии и вдыхал запах не только торфяника, но и зловоние казней” [10, 22-23]. Иган доводит английского гостя до дома Кэссиди и, точно определяя дату трагического события в прошлом — 1798 год, отдает дань памяти ирландцам, погибшим в этом году от злой воли англичан.

Так, освещая одно и то же событие, Хини и Иган подходят к нему с разных ракурсов: первый рисует объемную картину трагедии 1798 г., Иган же обыгрывает одну, но достаточно репрезентативную деталь — буквое дерево, на котором, вероятно, был повешен повстанец, но эта деталь позволяет ему так же воздействовать на читателя, как если бы он подробно описал его казнь.

Как видим, оба поэта проявляют неподдельный интерес к истории своей страны, а объектом их внимания нередко являются одни и те же события. Так, например, оба описывают трагическую для Ирландии битву при Смервике в 1580 г., в которой англичане одержали победу, не только захватив в плен военных, но и уничтожив 600 мирных жителей — женщин, детей и стариков.

Хини и Иган по-своему интерпретируют эту битву, но их стихи роднит воссозданный в них образ Ирландии той эпохи как жертвы политики Англии. Оба поэта считают Англию государством, завоевавшим и поработившим их родину.

Известно, что в ирландской литературе издавна сложилась традиция подчеркивать в образе Ирландии женское и материнское начала: достаточно вспомнить, например, I эпизод “Улисса” Д. Джойса, когда Стивен Дедал видит в молочнице не обычную женщину, а мать Ирландию.

В стихотворении Хини “Любовь океана к Ирландии”, в названии которого дается аллюзия на произведение известного поэта елизаветинской поры сэра Уолтера Рейли “Любовь океана к Цинтии”, где под именем Цинтии скрывалась королева Елизавета Тюдор, Ирландия фигурировала как несчастная женщина, изнасилованная океаном, т. е. Англией. В океане поэт подчеркивает мужское начало. Хини, так же как Иган в поэме “Dun an Oir”, без всякого почтения относится к У. Рейли, называя его “грубым и бесстыжим” [Цит. по: 4, 79], не ведающим угрызений совести. Англия для поэта — существо мужского пола; Океан, надругавшийся над Ирландией:

“Он — громада океана
Задирающего юбки
Волн в оборках трав морских”
[Цит. по: 5, 80], (пер. Г. Кружкова)

У Игана также находим упоминание о сэре Уолтере Рейли, которого он называет “Elizabeth’s pet poet” (“Елизаветин поэт-любимчик”) [3, 70-71]. Ирландский поэт показывает Рейли как уча-

стника печально известной бессмысленно жестокой резни, жертвами которой стали, кроме ирландцев, испанцы и итальянцы, посланные в Ирландию Папой Римским для восстановления в стране католической религии. Иган, так же, как и Хини, считает Рейли насильником:

“Смазливый Рейли тащит девушку
в загон” [3, 69].

Далее курсивом он дает цитату из стихотворения Рейли “Природа, вымыв руки молоком”:

“Да, время никого не пощадит —
ни уст, ни глаз, ни персей, ни ланит” [3, 69]

Эти слова, принадлежащие придворному поэту, еще сильнее подчеркивают особую жестокость, с которой англичане убивали противников, предварительно напившись:

“и пьяная злоба предвещает зверства
вот уже готовы веревки
и выхвачены шпаги
и сталь пронзает вопиющую плоть
и молот грохочет по наковальне” [3, 69]

Опять прибегая к курсиву как особому способу акцентирования важной мысли, призванному усилить впечатление читателя от этой битвы, поэт замечает:

“нет то не крики чаек
ни ветра мольба” [3, 69]

Иган показывает, как после бойни наместник Елизаветы лорд Грей “совершает ежедневную прогулку” со своими приближенными, и ему нет дела до отчаяния,

“что охватило
испанцев и итальянцев когда они поняли
смерть приплыла со стороны дома
который они никогда не увидят
и исконных ирландцев
кому родина стала чужбиной
стоически шепчущих *Отцы наши*
и женщин и детей окруженных
верой Грея и милостью Рейли” [3, 71]

В последней строке Иган издевательски пишет о “вере Грея” и о “милости Рейли”, подчеркивая сарказм выдержкой из письма королевы Елизаветы лорду Грею, которая объявляет, что “это последнее деяние” — а по сути дела, убийство нескольких сотен отчаявшихся людей — свершилось “к нашему истинному удовольствию” [3, 71].

Потрясающая по накалу чувств — ненависти к убийцам и сострадания к жертвам — нарисованная Иганом сцена разворачивается на фоне типичного ирландского пейзажа — “болотной равнины” [3, 71] с горами тел погибших:

“кровь на траве
страх в зарослях
сумерки колеблются как тело на виселице
туман холодит как сталь
от бухты веет смертью
птицы не запоют
в Ард-на-Кейне
волны не смоят
следов резни” [3, 75].

Резким контрастом людскому горю является в пространстве стихотворного текста Игана описание происходящего после битвы в гавани Смервик в палатке другого елизаветинского поэта — Э. Спенсера, который одинаково аккуратным почерком пишет и донесение о сражении лорду Грею, и стихи, посвященные Елизавете. Он смог сосредоточиться настолько, что

“в угасающих ноябрьских сумерках
уже совсем не слышит криков

обмакнув перо он добавляет
строчку в “Слезы муз” [3, 73]

Цитируя в своей поэме строфу из спенсеровских “Руин времени” и располагая ее на странице справа, как вспомогательный текст, поэт добивается резкого противопоставления настоящих деяний Спенсера и лорда Грея и прекрасных, романтически возвышенных строк, прославляющих Елизавету:

“О ты королева фей, гордость своего времени
и слава мира, твои высокие помыслы
Да снизойдут к его последней просьбе
Да оросятся твои очи слезами слезинками
Ведь ты божественного рода
Так пусть воспарят твои мысли
Презрев суету мирскую” [3, 73]

Таким образом, Иган превращает контраст в доминирующий художественный прием своей поэмы, способствующий реализации избранной им стратегии — показать трагические страницы истории Ирландии с максимальной полнотой.

Известно, что в силу природных особенностей одной из неперемных составляющих ирландского пейзажа в сознании ирландца выступает **торфяное болото**. Разработки торфа в Ирландии существуют с незапамятных времен. Торф всегда

был важным для ирландцев топливом, из него также изготавливали множество полезных вещей. Это подтверждает, например, находящийся недалеко от г. Монастеревин Музей торфа, в котором посетителям наряду с множеством других экспонатов показывают и торфяную вазу, изготовленную в XIX в. в дар королеве Виктории. С этим музеем Иган любит знакомить участников Летних школ, посвященных творчеству Дж. М. Хопкинса. Кстати, в поэзии самого Игана также фигурирует торф. Так, в первом стихотворении “Midland”, открывающем одноименный сборник, Иган рисует не только “Торфяник Аллена” (“Bog of Allen”), находящийся в его родном краю, но и дом на его фоне, как бы освященный присутствием людей, ибо для чего же стоит дом, из печи которого вьется дымок, как не для того, чтобы в нем жили люди?

“a house steamed down the horizon afternoon
the bog sea calm
that as drain water the swells of browns rising
to where quiet mountains of
cloud sheered ranging away
like another dimension
and gulls wondered searching in space for their
souls” [7, 20]

Освоение человеком болотистых торфяников, столь типичных для Средней части Ирландии, где родился и вырос Иган, осмысливается поэтом как незаметный каждодневный подвиг его сограждан.

И в стихах, посвященных Хопкинсу, несколько раз побывавшему в г. Монастеревин и назвавшему воздух торфяников “восхитительным” (“delicious bog air”), Иган рисует Хопкинса, “вдыхающего... воздух торфяника” [6, 21].

В сборнике “Peninsula” слова “bog cotton” (“торфяной лен”) вынесены в заглавие одного из стихотворений — “Feonapach”, только эти слова написаны на ирландском языке. Это стихотворение представляет собой зарисовку типичного ирландского ландшафта со старинной сторожевой башней, с горой Holy Mount Brandon, с шелестящими зарослями камыша, находящимися рядом с местами, где добывают торф.

В другом стихотворении этого сборника — “The Great Blasket” — тоже дается описание ирландской природы, и в нем для обозначения торфяного болота используется слово “moss”, а само болото воспринимается как неотъемлемый компонент национального ирландского ландшафта.

Кажется вполне закономерным, что торфяное болото и торф фигурируют в поэзии Игана и Хини как символ образа жизни самых бедных ирландцев, добывающих торф и таким способом кормящих свои семьи. Но у Хини есть такая коннотация слова “торф”, которую мы не обнаружим у Игана:

это глубина, на которую спускаются жители Ирландии не только для того, чтобы добыть себе денег на пропитание, но и чтобы приобщиться к своей истории — прекрасной и трагической.

Так, в стихотворении “The Tollund Man” (“Человек из Толлунда”), хотя и описывается мумия человека, очень хорошо сохранившаяся и извлеченная из торфяных болот Дании, говорится о мыслях и чувствах, овладевших поэтом, когда он увидел фотографию мумии мужчины в одной из научных книг, посвященных торфяникам. У Хини сразу же возникли ассоциации с Ирландией. Он пишет в этом стихотворении о том, что человек на фото из книги, вероятно, был принесен в жертву богине плодородия Нертус, чей культ царил в давние времена не только в древней Греции, но и на Севере Западной Европы. Перед жертвоприношением этого “жениха богини” накормили, таким образом исполнив его предсмертное желание, а богиня, наверное, превратила его в святого за “брак с ней”. В воображении поэта возникают образы протестантов, убитых в 1920 г. в Ирландии, и взор его обращается к истерзанной родине, на которой уже никогда не будут жить невинно убиенные его “молодые братья” (“young brothers”) [8, 120].

Хини, мысленно переносясь в будущее, заканчивает стихотворение словами о том, что вдали от родной Ирландии, в местах, где людей приносили в жертву богам, он, если побывает в Дании, почувствует себя:

“...lost
Unhappy and at home” [8, 120]

“потерянным, несчастливым, но как будто у себя на родине” (*пер. мой. — А. С.*)

Надо отметить, что сборник “Север” (1975), в который вошло это — одно из самых известных стихотворений Хини, в котором поэт пытается представить читателю историю Ирландии и связать ее с современностью, — содержит наполненные символическим смыслом, сугубо ирландские понятия “болото” и “торф”. Они выступают в его поэзии как кладовые истории, являющиеся реликвиями прошедших лет, которые под пером поэта превращаются “в специфически ирландскую мифологию, в символ хранилища памяти” [4, 76].

Оба поэта, размышляя о судьбе своего народа, проявляют склонность к метафорическому мышлению. Так, Хини в стихотворении “The Haw Lantern” (“Фонарь боярышника”) рисует зимний пейзаж, украшением которого является красная ягода боярышника, несущая большую смысловую нагрузку. Эта маленькая ягода, по замыслу поэта, олицетворяет скромное достоинство ирландцев. Как пишет В. Ганин, она “не вызывает ассоциаций с героическими подвигами или непомерной

гордостью. Этот образ более всего соответствует национальному характеру ирландцев, которые никогда не претендовали на роль великого народа, а скорее считали себя “маленькими людьми” [1, 127].

Две первые строчки стихотворения:
“The wintry haw is burning out of season,
crab of the thorn,
a small light for small people” [9, 126].

Думается, однако, что “small people” употребляются здесь не в значении “маленькие люди”. Скорее, поэт имеет в виду немногочисленность ирландской нации, а не самоидентификацию ирландцев как “маленьких”, т. е. незначительных людей, тем более, что далее следуют фразы, сопрягающие понятия “haw” и “small people”:

“wanting no more from them but that they keep
the wick of self — respect from dying out,
not having to blind them
with illumination” [9, 126].

[“фонарь боярышника
не требует ничего кроме того,
чтобы фитилек самоуважения
не умер в людях
и чтобы не нужно было бы
ослеплять их ярким светом”]
(*подстрочный пер. мой. — А. С.*)

Нашу мысль подтверждает известная отечественная исследовательница ирландской литературы А. П. Саруханян, полагающая, что ягода боярышника, символизирующая свет фонаря, не ослепит ирландцев, но поможет сохранить верность самим себе [об этом см. 4, 85-86]. Возникающая ассоциация с Диогеном, ходящим с фонарем в светлое время дня в надежде найти хотя бы одного честного и справедливого человека (“one just man”) [9, 126], подчеркивает сосредоточенность поэта на небольших, но важных повседневных делах и осознание своих “ограниченных возможностей перед лицом множества нерешенных проблем Ирландии” [4, 86].

И Хини, и Иган посвящают немало стихов проблемам, которые волновали, волнуют и всегда будут волновать людей. Это, прежде всего, проблема отношений между детьми и родителями, в наше время, может быть, и не очень популярная, но трогающая сердца обоих поэтов. Они как бы разделили ее между собой: Хини посвящает семь сонетов своей матери — он написал их во второй половине 1980 г., после ее смерти; Иган создает “Песнь о моем отце” (1989). Оба поэта признают влияние, которое оказали на них родные им люди;

они отдают им дань глубокого уважения и любви. Так, в 3-м сонете “Clearances” (“Чистка картофеля”) Хини в подзаголовке к нему в скобках обозначает только инициалы матери и дает годы ее жизни: (“In Memoriam M. K. H., 1911 – 1984”/ В память М. К. Х., 1911 – 1984). Он рассказывает о том, как у постели умирающей матери он вспоминает эпизод из своего детства, когда он остался дома помочь матери чистить картошку в то время, когда все другие члены семьи были на воскресной мессе в церкви.

В первых восьми строчках сонета царит спокойная и уравновешенная атмосфера и полное понимание между матерью и сыном. В комнате стоит тишина, которую нарушают падающие одна за другой в воду очищенные картофелины. Хини сравнивает отношения между матерью и сыном, прибегая к необычному образу — образу паяльника и припоя, совершенно неожиданному в этом контексте. Когда разогретый припой капает, а затем остывает, он становится очень прочным и скрепляет между собой детали из металла. Так, по мнению Хини, и отношения между ним и матерью внешне могут казаться холодными, без вспышек сильных чувств, но зато они постоянны и прочны.

Следующие три строки сонета наполнены шумом и волнением окружающих умирающую мать людей: громкая молитва приходского священника, голоса молящихся и плачущих людей и т. п. И только сын опять вспоминает чистку картофеля в тот памятный для него день, когда они с матерью молча работали в унисон, ловко орудуя ножами. Их головы склонились друг к другу, дыхание слилось, и они никогда не чувствовали себя ближе и роднее:

“I remembered her head bent towards my head,
Her breath in mine, our fluent dipping knives —
Never closer the whole rest of our lives” [9, 128].

В других сонетах поэт также вспоминает дорогие ему эпизоды, связанные с матерью и ее трудом по дому: уборкой, стиркой белья, топкой печи и т. д. Сын благодарен матери за то, что она научила его множеству простых, но необходимых в жизни дел. Теперь же, после многих лет, прошедших со времен его детства, он просит мать об очень важной для него вещи — научить слушать звуки жизни — словом, научить его жить.

В сонетах, посвященных памяти матери, Хини удалось скупыми неяркими штрихами создать образ исключительно трудолюбивой, спокойной, немногословной, уравновешенной женщины, обладающей чувством собственного достоинства.

Иган рисует образ своего отца Томаса Игана, являющегося для него примером для подражания, в поэтическом сборнике “Песнь о моем отце”, в который вошли 18 стихотворений. В этом цикле стихов отражается почти вся жизнь отца: первое стихотворение “Смотрю на фотографию” запечатлевает Томаса здоровым, наслаждающимся счастливой семейной жизнью, а последнее — эпитафия на его могиле, причем, в отличие от традиционного содержания произведений этого жанра, поэт говорит о том, что

“Том Иган не покоится здесь
...не покоится здесь и любовь, что прочнее
гранита” [3, 25].

Отец для него остается живым и будет таким, пока сохраняется память о нем.

В “Песне о моем отце” проводится мысль о том, что Томас Иган всегда остается для сына эталоном человечности и жизнелюбия.

Таким образом, оба поэта показывают высокую человечность и нравственность в отношениях к родным им людям.

Все вышеизложенное, думается, позволяет говорить об очевидном типологическом сходстве этих творческих индивидуальностей и о том весомом вкладе, который они внесли в сокровищницу современной ирландской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганин В. Комментарии / В. Ганин // An Anthology of Contemporary English Poetry. — Н. Новгород: Perspective Publications, 2003.
2. Иган Д. Избранное / Д. Иган. — Воронеж-Москва: Родная речь, 1999.
3. Иган Д. — Воронеж: Родная речь, 2000.
4. Саруханян А. П. В объятиях судьбы / А. П. Саруханян. — М.: Наследие, 1994.
5. Arkins B. Desmond Egan. A Critical Study. — Milestone Press, 1992.
6. Desmond Egan. The Poet and his Work. — Northern Lights, USA, 1990.
7. Egan D. Echo Arches. — Zeuvense Schrijversaktie, 1990.
8. Heaney S. The Tollund Man // An Anthology of Contemporary English Poetry. — Н. Новгород: Perspective Publications, 2003.
9. Heaney S. The Haw Lantern // An Anthology of Contemporary English Poetry. — Н. Новгород: Perspective Publications, 2003.
10. Sundermeier M. “A Garden of Original Grace and Sin”: Desmond Egan’s Sense of Place // Desmond Egan. The Poet and his Work. — Northern Lights, USA, 1990.